

Глава 4

Будь то сладкая хурма или бремя наследного титула, сейчас Ше Цзе предстояло столкнуться с вещами куда более важными.

Отослав лекарей, старый управляющий усадьбы с преданным усердием принялся докладывать о том, какие перемены произошли в подлунном мире, пока его молодой господин пребывал в глубоком сне.

К примеру, императорский кортеж изволил прибыть в Цзянцзо.

— И младший дядюшка вернулся? — удивился Ше Цзе. — Зачем? Навестить меня или почтить предков?

В роду его матери исстари велась традиция: каких бы высот ни достигали члены семьи и как бы далеко ни забрасывала их судьба, каждый год от каждой ветви рода кто-нибудь непременно возвращался в родные края, дабы совершить поминальные обряды на фамильном кладбище. Когда же все чада и домочадцы клана Вэнь породнились с самим Небом, возведя свой род на престол, этот обычай сделался и вовсе незыблемым. Поговаривали, будто лишь частые паломничества к истокам династии, в благословенные земли зарождения империи, способны насытить правителей священной силой дракона и продлить власть Великой Ци на мириады лет.

О том, насколько действенным было сие средство, история умалчивала. Ше Цзе знал лишь, что его покойный кузен, император Вэнь-ди, в своё время не побоялся даже угрозы покушения и всё равно явился на родину ради поминального ритуала. Впрочем, финал его правления прогремел на всю Поднебесную — Вэнь-ди пал в бою, омыв своей кровью поле сражения.

Судя по всему, ни на грозное Небо, ни на благословение почивших предков особо полагаться не стоило.

— Изначально Гуаньцзя действительно прибыл лишь ради того, чтобы навестить молодого господина, — со сложным, трудночитаемым выражением лица и явной неохотой проговорил старый управляющий. — Но теперь Его Величество задерживается в Цзянцзо из-за неотложных государственных дел.

— Вот как, — протянул Ше Цзе.

Политика навевала на него смертную скуку, так что расспрашивать дальше он не собирался. Голова и без того раскалывалась, а выслушивание чужих придворных интриг и чиновничьих козней лишь усугубило бы его страдания. К чему мучить себя понапрасну?

— А матушка моя где? — только и спросил он.

Раз уж даже царственный дядюшка пожаловал в Цзянцзо, матушка никак не могла остаться в стороне.

— Императорская принцесса покинула усадьбу совсем недавно... — старик почтительно склонился, пряча в складках широких рукавов дрожащие руки и скрывая выражение глубоко запавших глаз.

Этот изысканный титул, «дицзи», вошёл в обиход Великой Ци по воле покойного Вэнь-ди, отличавшегося натурой утончённой и романтической. С одной стороны, государь всю жизнь преклонялся перед древними ритуалами династии Чжоу и пытался возродить старинные каноны, согласно которым дочерей правителя именовали «ванцзи». С другой стороны, привычное обращение «принцесса» казалось ему слишком обыденным: под влиянием ушедшей эпохи Чжоу этот почётный титул могли носить дочери любых удельных князей и высокопоставленных вельмож, что уравнивало их в глазах простолюдинов с императорскими дочерьми.

У самого Вэнь-ди на тот момент наследников ещё не было, но он питал глубочайшее почтение к своей тётушке. Рассудив, что столь блистательная женщина заслуживает самого исключительного именованья на свете, он преодолел сопротивление упрямых придворных и утвердил новое величание.

Новшество прижилось совсем недавно, оттого люди до сих пор то и дело путались, именуя её то принцессой, то дицзи.

—... Случились некоторые непредвиденные обстоятельства, и Великая старшая императорская принцесса поспешила в префектуру Интянь, дабы лично встретить и сопроводить сюда Вдовствующую императрицу.

Выходило, что пока Ше Цзе преспокойно спал, все могущественные вельможи из столицы Юнцзи, способные одним словом сокрушить небеса, каким-то непостижимым образом разом скопились здесь, в Цзянцзо.

А теперь к этому блистательному собранию решила присоединиться и сама Вдовствующая императрица Не в своём роскошном паланкине.

После безвременной кончины Вэнь-ди его беременная супруга из влиятельного клана Не, следуя вековым традициям, удостоилась высшего титула. И пускай взошедший на трон Шэнь-цзун приходился её усопшему мужу родным дядей и по старшинству стоял выше, госпожа Не всё равно сохранила за собой статус Вдовствующей императрицы.

Ше Цзе не мог понять, было ли это игрой его разыгравшегося воображения или же смутным воспоминанием о недавнем прошлом, но покуда управляющий говорил, до его обоняния словно донёлся знакомый, едва уловимый аромат благовоний, которыми всегда пользовалась его матушка. Ему почудилось, будто шершавая, покрытая мозолями ладонь ласково коснулась его щеки, а в тишине спальни прозвучал тихий, исполненный нежности вздох:

"Мой Туньэр поцелован самой судьбой. Сейчас ему лучше не просыпаться — так будет спокойнее..."

Слова эти отдавали странностью, но Ше Цзе знал крутой нрав своей родительницы. Матушка его вообще славилась непредсказуемостью, а уж сквозь призму слепой материнской любви и вовсе видела своего отпрыска исключительным совершенством. Не найдись у Ше Цзе талантов ни в воинском искусстве, ни в каллиграфии, она непременно отыскала бы повод для гордости: заявила бы, например, что у её ненаглядного чада чистейшая душа или отменное богатырское здоровье.

К слову, принцесса Вэнь была единственной в своём роде женщиной во всей Поднебесной, которая осмелилась вытребовать у государя дворянский титул для сына, аргументируя это исключительно тем, что мальчик «растёт крепким и не болеет».

Теперь, когда и богатырским здоровьем Ше Цзе похвастаться не мог, матушка наверняка переключилась на его «везение». От Великой старшей принцессы вполне можно было ожидать подобной изобретательности.

Наш «удачливый» Ше Цзе осторожно коснулся намотанных на лоб слоёв белоснежного шёлка и с присущим ему легкомыслием подумал, что в словах матери крылась доля истины. Когда на тебя с небес падает огромная глыба, а ты отделываешься лишь парой месяцев глубокого сна и просыпаешься целым и невредимым — это ли не чудо?

Постойте-ка. Тот самый Небесный камень!

— Где эта проклятая глыба?! — проскрежетал зубами Ше Цзе, мгновенно вспыхнув жадой справедливого возмездия.

Последним воспоминанием перед тем, как тьма поглотила его разум, была вспышка дикой, непереносимой боли.

Управляющий не знал, плакать ему или смеяться от такой воинственности.

— Императорская принцесса давным-давно обо всём позаботилась, господин. Камень со всеми почестями перевезли на Южный пик, в монастырь Тяньнин Ваньшоу. Туда созвали восемьдесят одного почтенного настоятеля из крупнейших обителей страны, дабы они неустанно читали сутры. Их святые молитвы должны изгнать скверну, обратить зло во благо и превратить смертоносный булыжник в священный артефакт, приносящий вам долголетие и процветание. Обряд должен длиться ровно сорок девять дней, и положенный срок ещё не истёк.

— То есть, когда эту чёртову каменюку вернут в усадьбу, я мало того что не смогу разбить её в щепки, так ещё и обязан буду поклоняться ей, словно святыне? — в глазах Ше Цзе блеснула та ироничная проницательность, которая обычно проявлялась у него в самые неподходящие моменты.

Старик смущённо улыбнулся:

— Освящённый предмет очищается от былых грехов, молодой господин. Прошрое его более не тяготит.

— Раньше я слышал, будто человеку достаточно получить монашеское свидетельство и принять постриг, дабы все его мирские прегрешения аннулировались. Но чтобы этот трюк проворачивали с неодушевлённым булыжником, который едва не лишил меня жизни... Какое великолепное лицемерие!

Ше Цзе презрительно скривился. С тех пор как он без чувств рухнул прямо перед позолоченной статуей Будды в Храме Великого Государственного Советника, отчаянно вымаливая жизнь для старшего дяди и двоюродного брата, а те всё равно скончались, юноша раз и навсегда утратил веру в божественное милосердие и мистические силы.

Управляющий не нашёлся, что противопоставить столь хлётким доводам, а потому лишь мягко, но настойчиво повторил:

— Такова воля вашей матушки, господин. Она желает вам лишь блага и никогда не причинит вреда. Пожалуйста, усмирите свой нрав. Ровно в полдень сорок девятого дня мы обязаны со всеми почестями забрать очищенный камень из стен Тяньнин Ваньшоу.

— Да понял я, понял, — отмахнулся Ше Цзе, снова почувствовав, как к горлу подступает лёгкая тошнота от нахлынувшей слабости. — Кстати, о празднике Полнолуния... То есть, о Дне поминовения усопших. В нашей усадьбе уже начали подготовку к Чжунъюаню?

— Всё идёт своим чередом, строго по устоявшимся правилам. Опасаясь, что вы не успеете прийти в себя к началу торжеств, мы заблаговременно пригласили мастеров из Четырёх ведомств и шести служб. Все хлопоты устроены наилучшим образом.

Упомянутые ведомства и службы представляли собой особое государственное учреждение. В былые времена они обслуживали исключительно высших сановников и членов императорской фамилии при устройении пышных пиров, однако с воцарением династии Ци превратились в прибыльное коммерческое предприятие под патронажем казны. Впрочем, удивляться не приходилось: казна Великой Ци никогда не брезговала открыто зарабатывать серебро, и подобных ведомств на самообеспечении в стране насчитывалось великое множество.

Были бы деньги — и мастера из Четырёх ведомств и шести служб с готовностью распахнут двери перед любым заказчиком, взяв на себя безупречную организацию любого празднества: от масштабного банкета до утончённых поэтических чтений или скромного ужина в кругу близких друзей. Их изобретательность не знала преград.

Разумеется, в дни столь великих торжеств, как праздник Чжунъюань, простым смертным нечего было и мечтать об их услугах — именитые столичные чиновники расхватывали лучших

мастеров задолго до заветной даты.

Однако Ше Цзе, будучи сыном великой принцессы и пользуясь дурной славой взбалмошного молодого господина — истинного порождения знатного сословия, — в очередях не стоял. Его усадьба пользовалась исключительным правом обслуживаться вне всякой записи. В глубине души Ше Цзе частенько упрекал себя за подобные злоупотребления, полагая, что поступает крайне скверно.

— И всё же, — добавил он тише, — проследи, чтобы тем купцам, чьё место мы заняли, выплатили щедрую виру. Негоже обижать почтенных людей.

Пользоваться привилегиями — это одно, а вот лишать других честного заработка без возмещения убытков — совсем другое. Всё-таки у любого бесчинства должны быть свои границы.

Старый управляющий тепло улыбнулся, отчего сеточка глубоких морщин у его глаз проявилась ещё отчётливее:

— Всё давно исполнено, молодой господин. Серебро доставлено адресатам.

Какими бы окольными путями ни вился их разговор, старик неизменно умел возвращать его в нужное русло:

— Судя по всему, Его Величество Гуаньцзя вознамерился обосноваться в здешней временной резиденции всерьёз и надолго. Работы по восстановлению главного зала и нескольких прилегающих дворцовых покоев уже завершены, а к исходу года строители обещают сдать весь комплекс полностью. Поговаривают даже, будто территорию планируют расширить — иначе придворным сановникам во время утренних аудиенций попросту негде будет яблоку упасть.

— Ближе к делу, — поморщился Ше Цзе.

Государственные заботы вызывали у него глухое раздражение. Он напрочь был лишён политического чутья и не желал ломать голову над тайными мотивами каждого высочайшего указа.

— До ушей вашего покорного слуги донеслись слухи, будто Его Величество всерьёз подумывает о переносе столицы сюда, в Цзянцзо.

— Что?! — Ше Цзе даже опешил.

Каким бы несмышлёным в политике он ни был, глупцом он точно не являлся и прекрасно знал, что временная резиденция в Цзянцзо отличалась весьма скромными размерами. Пожалуй, это были самые тесные чертоги за всю историю правящих династий. Его царственный дядюшка

должен был совершенно лишиться рассудка, чтобы добровольно запереть себя в столь тесных стенах. И пускай дворец в Юнцзи тоже не поражал воображение роскошью и величием, он всё же превосходил цзянцзоские покои. К чему же затевать столь сомнительное переселение?

К тому же с момента восхождения дядюшки на трон минуло всего несколько месяцев. Хватит ли у столь нерешительного правителя духу на столь грандиозный и опасный шаг?

Неужели это очередная интрига тех престарелых советников, что горазды лишь сотрясать воздух пустыми речами? Но какая им от этого выгода?

"Ох, не стоит забивать этим голову, иначе она окончательно расколется"

— Перенос столицы сулит вам невиданную выгоду, молодой господин, — доверительно поведал старик.

— И какую же?

— Помните ли вы ту просторную улицу прямо перед временной резиденцией, что была дарована вам высочайшим указом? — старый слуга принялся осторожно, шаг за шагом, подводить его к разгадке.

Как он мог забыть! Последние три года, проходя лечение в Цзянцзо, Ше Цзе от скуки не только предавался праздным развлечениям, но и затеял масштабную перестройку этой совершенно пустынной территории. И пусть в радиусе нескольких ли вокруг не сыскалось бы ни одной живой души, юноша увлечённо, словно малое дитя с игрушечным городком, возился со своими владениями. Он даже заставлял слуг и служанок облачаться в праздничные наряды, устраивая шумные представления и разыгрывая сценки из городской жизни. Окружающие в один голос величали это безлюдное место «городом призраков», но Ше Цзе было решительно всё равно.

— Теперь это место более не назовут призрачным приютом, мой дорогой господин. Вы только представьте, где именно оно расположено...

— Расположено? Прямо напротив главных ворот резиденции... — Ше Цзе на мгновение задумался, а затем его глаза округлились от внезапного озарения. — Разрази меня гром! Если столицу перенесут, временная резиденция превратится в Императорский дворец, а моя заброшенная дорога станет... главной Императорской улицей! Если я обустрою там торговые лавки и распродам их купцам... О Небо, сколько же золота потечёт в мои карманы?! Неужели колесо судьбы наконец повернулось ко мне благоволением?!

От нахлынувшего возбуждения он едва не подскочил на постели, но изнурённое недугом тело тут же осадило его пыл, напомнив о необходимости соблюдать покой.

Надо сказать, за годы добровольного изгнания в Цзянцзо Ше Цзе перепробовал множество

способов разбогатеть и усердно изучал купеческое ремесло. Увы, талантом к торговле боги его обделили столь же безжалостно, как и способностями к государственной службе, военному делу или изящной словесности.

Не будь щедрого ежемесячного содержания, исправно выплачиваемого ему державным кузеном и любящей матушкой, Ше Цзе, весьма вероятно, давно пошёл бы по миру, торгуя на перекрёстках каллиграфическими свитками своего прославленного отца, Ше Хэ.

А ведь творения великого мастера кисти и признанного государственного мужа Ше Хэ ценились коллекционерами на вес золота.

— Почтенные купцы — народ хитрый и непостоянный, да и продажа земли — сделка разовая. Сбыть всё в один миг было бы крайне неразумно, — старик продолжал терпеливо наставлять своего подопечного, ничуть не тяготясь его неопытностью. С подобным жаром заботливые родители обучают неразумных детей первым словам и правильным манерам за столом.

— Тогда мы станем сдавать лавки в аренду! — загорелся Ше Цзе. — Разве в столице Юнцзи мало вельмож, наживших баснословные состояния на сдаче жилья? Как же звали того достопочтенного канцлера... Помню, он сколотил целый капитал на аренде столичных усадеб! Мы поступим точно так же! Сдадим дома приезжим столичным чиновникам. О да, эти господа никогда не бедствуют, казна ежемесячно выплачивает им щедрое довольствие «для поддержания честности». Если я заберу у них часть этих средств в качестве платы за постой, это можно будет счесть благородной заботой о государственной казне! Срочно займись этим делом!

— Обо всём уже позаботились, господин, — с мягкой усмешкой старик протянул ему аккуратную стопку исписанных листов с подробными реестрами и проектами соглашений.

Расторопные маклеры по недвижимости уже получили соответствующие указания, а с Управлением государственного имущества и аренды были улажены все формальности, дабы избежать ненужного соперничества между частными владениями и казной.

Как уже упоминалось, Великая династия Ци во всём искала коммерческую выгоду, и стоило какому-либо делу начать приносить стабильный доход, как государство немедленно прибирало к рукам свою долю.

Для пополнения казны существовало множество ведомств: от Четырёх ведомств и шести служб до упомянутого Управления государственного имущества и аренды. Последнее ведало исключительно покупкой, продажей и сдачей внаём казённых земель и строений. К слову, арендная плата составляла весьма внушительную часть доходов империи.

Участок же, пожалованный Ше Цзе, располагался в столь выгодном месте, что даже всесильное Управление государственного имущества и аренды не могло составить ему достойную конкуренцию. Усадьбы здесь были уникальными, превосходно отстроенными и полностью готовыми к заселению. Сейчас старому управляющему требовалось лишь обсудить

со своим юным господином, как придать этой улице должный лоск и привлечь самую изысканную публику.

— Несколько высокопоставленных сановников уже поспешили занять лучшие дома. Поскольку вы пребывали в беспамятстве, ваш покорный слуга взял на себя смелость распорядиться имуществом, рассудив, что...

Однако стоило Ше Цзе бросить взгляд на итоговую сумму в приходной книге, как дыхание его перехватило. Он пересчитал написанные тушью цифры раз десять, не веря собственным глазам, и расплылся в счастливой улыбке, совершенно позабыв обо всех объяснениях слуги.

"Богат! Невероятно, сказочно богат!"

<http://bllate.org/book/19472/1950855>